
М. Л. Лавренченко

ТЕРМИНЫ РОДСТВА И ДОГОВОРНЫЕ ФОРМУЛЫ В ПОЛИТИКЕ РЮРИКОВИЧЕЙ XII—XV вв.

В статье приводится результат сравнительного анализа двух компонентов договорного языка правителей домонгольской и Московской Руси: различных форм переносного использования терминов родства и устойчивых словосочетаний, подчеркивающих единство союзников. В качестве двух компаративных групп источников выбраны диалоги Ипатьевской (Киевской), Лаврентьевской летописей и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV веков. В результате мы получаем возможность проследить изменения в политическом языке, отразившие перемены в социальной жизни русских правителей этого периода, а также трансформации, связанные с исчезновением устной и развитием письменной культуры составления соглашений: широта применения договорных формул и их разнообразие уступают место стандартизации, увеличению объема и многоступенчатости формулировок.

Ключевые слова: термины родства, социальные практики, княжеские договоры, договорные формулы, язык политического взаимодействия, средневековый ритуал, домонгольская Русь, Древняя Русь, Московская Русь, Киевская летопись, Ипатьевская летопись, договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв.

Весь язык источников изучаемого периода представляет собой одну большую метафору той истории, которую хочет познать историк.
(Козеллек 2014. С. 24)

Язык политического взаимодействия глубоко консервативен и с трудом поддается фундаментальным изменениям, часто сохраняя внутреннее единство на протяжении столетий. Одновременно он проявляет и необычайную гибкость, извлекая из своего арсенала наиболее удачно подходящие именно в данный момент элементы, поэтому так трудно найти два идентичных друг другу по структуре и формулировкам исторических документа. Метод изучения соци-

ально-политической истории сквозь призму языковых изменений набрал силу во второй трети XX в. в рамках глобальной тенденции переосмысления роли языка в формировании и функционировании общества, и связан, в первую очередь, с развитием лингвистических методов в гуманитарных науках (*linguistic turn*), языкознания, семиотики, истории философских терминов, а также смежных историко-лингвистических методов, таких как история понятий XVIII–XIX вв. Райнхарта Козеллека. Рассматривая трансформацию смыслов основных исторических понятий, Козеллек отмечал, что она «отражает длительную и глубокую, иногда внезапно ускоряющуюся эволюцию опыта», а изучение значений слов, присущих политической и социальной сферам через анализ конкретных ситуаций, в которых они употребляются, — своеобразная «дверь» в эпоху, при этом важнейшей частью исследования становится определение «срока социальной жизни того или иного значения слова и соответствующей ему структуры» (Козеллек 2014. С. 26, 33–35). Налицо неизбежная двойственность данного метода, опирающегося одновременно на *явления*, изучаемые историческими науками, и *слова*, относящиеся к сфере лингвистических исследований, пусть и со значительным сдвигом в пользу первого (Там же. С. 36–38). Новая историческая реальность стимулирует появление новых смысловых значений у старых слов, а изменения в языке, в свою очередь, влияют на понимание действительности — тот замкнутый круг, преодоление которого требует большого внимания к соблюдению тех временных рамок, к которым может быть применен результат исторического исследования.

При обращении к значительно менее обширным и детализированным источникам времен, предшествовавших Новому времени, в фокусе исторического исследования оказывается весь комплекс социально-политической лексики, в том числе слова, первоначально относимые к семейной и бытовой сферам. Разумеется, они не могут быть причислены к политическим *словам* — *понятиям*, однако это, без сомнения, *ключевые слова* (Там же. С. 24), в форме которых и мыслилась политика средневековых правителей Руси.

Общей тенденцией эволюции социальных и политических слов является расширение спектра их значений, что зачастую связано не столько с их непосредственной историей, сколько с отсутствием других слов, подходящих для определения нового исторического явления — в полной мере это применимо и к интересующей нас семейной и бытовой лексике: неоднократно отмечалось, что

с появлением первых государственных форм на территории Древней Руси она приобретает политическое значение, однако, в чем именно оно проявлялось и как формировались новые функции этих слов, в большинстве изысканий не раскрывается подробно (Пресняков 1993. С.100).

Поэтому применительно к древнерусскому материалу рассмотренный метод полезен, в первую очередь, тем, что позволяет выявить изменения, происходившие в культуре княжеского взаимодействия, значительную часть которого на протяжении столетий составляла именно родовая лексика, а также устойчивые «воинские» словосочетания. В данном исследовании во главу угла ставится развитие этих двух наиболее часто встречающихся элементов договоров правителей. В качестве сравнительного материала мы рассматриваем две группы источников: *летописные тексты, повествующие о событиях XII в.*, и *договорные грамоты русских князей конца XIV — начала XV в.* Этот выбор обусловлен несколькими факторами. Вокруг происхождения летописных княжеских речей — самого древнего источника в данной выборке — до сих пор не утихают дискуссии: их природа признается то письменной, то устной, а содержание — то исторически информативным, то вымышленным.

Большинство княжеских диалогов приведено в центральной части Ипатьевской летописи, называемой Киевской летописью; согласно текстологическим исследованиям, подавляющая их часть относится к ее киевскому источнику, происхождение которого и время его попадания в общий свод также является предметом дискуссии (Насонов 1969. С. 80–111; Вілкул 2015. С. 242–275). Важно подчеркнуть, что, несмотря на то что сообщения о посланиях с приведением прямой речи являются характерной деталью именно этого источника, они встречаются и в других летописных текстах: Лаврентьевской летописи, Новгородской Первой летописи (например: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 315; НПЛ. С. 54), то есть мы имеем дело с общерусской традицией домонгольского периода, а не с особенностью одного составителя.

Договорные грамоты конца XIV — начала XV в. дошли до современного исследователя с менее значительными утратами, однако фиксируют уже более поздний этап формирования договорного этикета. Сравнение двух выбранных элементов в этих группах источников предоставляет дополнительный аргумент в пользу исторической достоверности содержащих их посланий для первой и

показывает разнообразие путей развития сложившейся традиции во второй.

С точки зрения историка каждый из рассматриваемых элементов представляет незначительный интерес: термины родства в непрямом значении чаще всего используются в качестве обращения или дополнительного упоминания вскользь и обращают на себя внимание исследователя, только если он учитывает использование данного слова в качестве акта, повышающего или понижающего политический статус адресата. Столь же малозначимыми представляются и риторические формулы, скрепляющие договор двух союзников: из-за отсутствия содержательной информации и избытия метафорической лексики они отбрасываются как несущественные.

Несмотря на видимую бесполезность упомянутых элементов, они оказываются важны тем, что в полном или урезанном виде присутствуют в большинстве договоров, как приведенных в летописи, так и сохранившихся на бумаге в первоначальном виде, что дает богатые возможности для сопоставительного анализа. Значимость многих договорных формул, а также случаев непрямого использования терминов родства, повышает и то, что они принадлежали к средневековой обрядовой лексике, что выражается в их семантической перформативности, по сути мы имеем дело с высказываниями — действиями, меняющими, а не описывающими положение дел; в первую очередь, это касается устойчивых выражений, произносимых во время признания другого правителя «отцом», «сыном», «братом старшим», «братом младшим». В этом вопросе мое исследование опирается на историческую методологию, в основе которой лежат работы Герда Альтхова (Althoff 2002; 2004) и его последователей¹. Среди последних работ наибольший интерес в этой области представляют труды Ларса Хермансона (Hermanson 2015; 2019), рассмотревшего ритуальный аспект устной культуры социальных и политических практик скандинавского средневекового общества, которое он охарактеризовал как *oath-taking society*. Один из его существенных выводов заключается в том, что институциональная природа значительной части этих практик должна быть пересмотрена.

---

¹ Среди них можно выделить сторонников теории практик и приверженцев перформативного подхода (*performative turn*), однако ничто не мешает использовать обе методики (Hermanson 2015. P. 16).

Использование Рюриковичами родовой терминологии в политической жизни неоднократно обращало на себя внимание исследователей, и наиболее распространенным объяснением этого феномена стало маркирование положения того или иного правителя в лестнице княжеской иерархии (Пашуто 1965. С. 53–58): более низкого, зависимого — при использовании слов «брат», «сын» в переносном значении, и более высокого, доминирующего — при употреблении слова «отец»². Данное объяснение проистекает из наблюдения над поздними, но при этом значительно более яркими примерами такового применения данных слов. Например, известно, какую важность придавал использованию обращения «брат» к иностранным правителям (в том числе к тем, с которыми находился в состоянии войны) Иван Грозный, называя недостаточно родовитых правителей «соседями» и «приятелями»; от датского короля Кристиана III русский царь требовал, чтобы тот называл его «отцом», а сам он и его предки добивались «братства» в отношениях с крымским ханом (Юзефович 1988. С. 16–22).

Но наиболее существенным фактором распространения данной интерпретации родовой лексики в летописях домонгольского периода стала доминировавшая государственная идеология СССР, одной из важнейших задач которой в области истории было обоснование принадлежности древнерусского государства к феодальной общественной формации: «получая надел по закону, вассал по Правде же должен был нести службу сюзерену (“отцу”, “брату старейшему”))» (Пашуто 1965. С. 57). При рассмотрении конкретных исторических ситуаций, приводимых в летописном тексте, истолкование родовой лексики существенно варьировалась, например, сам В.Т. Пашуто упоминал о подчеркнутом равенстве Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича, несмотря на то что именно при описании отношений между ними термины «отец» и «сын» встречаются наиболее часто: «когда в середине XII в. Вячеслав и Изяслав делили власть в Киеве, они постоянно подчеркивали и свое местническое равенство» (Там же. С. 54).

² Налицо многочисленные сложности, возникающие при применении термина «иерархия» в описании социально-политических практик домонгольской Руси: более высокий или низкий статус не имеет прямой корреляции с независимым или зависимым положением, а авторитет может быть основан как на реальном политическом весе, так и приобретен по наследству — все эти аспекты оказываются за скобками слишком широкого значения этого слова.

В дореволюционной историографии в дискуссии о том, как можно объяснить родовую терминологию княжеских переговоров выделяются две наиболее значительные позиции: «родовая теория» С.М. Соловьева и концепция переосмысления семейной лексики в период активного развития договорных отношений XII в. (Голяшкин 1898; Пресняков 1993. С. 100). Ключевым тезисом С.М. Соловьева является «отцовство» старшего в роду князя по отношению к остальным Рюриковичам, которые, в свою очередь, становятся «братьями» между собой, для подтверждения своей гипотезы ученый привлекал хронологически поздние материалы по местничеству (Соловьев 2003. С. 12–18).

Рассматривая развитие системы договорных отношений, А.Е. Пресняков обратился к результатам работы Я.А. Голяшкина, проанализировавшего наиболее яркие примеры использования родовой лексики в переносном значении в диалогах Рюриковичей. Согласно его заключению, слово «брат» имело самый широкий круг значений и обозначало просто союзника или даже любого Рюриковича (Голяшкин 1898. С. 244–246). С использованием термина «отец» все выглядит сложнее, и Я.А. Голяшкин приходит к выводу, что здесь мы имеем дело с чем-то близким к понятию политического лидерства: «под старшинством надо разуметь не зрелость возраста или вообще место, занимаемое им в княжеском роду, — составлявшее его неотъемлемое качество, а известные политические преимущества, действительно нуждавшиеся в признании со стороны конкурировавших с ним князей» (Там же. С. 265). К сожалению, Я.А. Голяшкин сделал ошибку в расстановке знаков препинания в речи Вячеслава Владимировича к Изяславу Мстиславичу (Там же. С. 258–259; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 417–418). Вячеслав обращался к Изяславу и цитировал его слова, в то время как Я.А. Голяшкин принял их за единый перечень терминов родства, в результате чего «одно и то же лицо приходится другому, а именно дядя племяннику “братом”, “сыном” и “отцом”, а сверх всего этого еще “внуком” самому себе», что и ввело в заблуждение исследователя. А.Е. Пресняков использовал основные тезисы Я.А. Голяшкина в своей работе, лишь добавив, что в середине — второй половине XII в. не всегда можно отличить «отражение бытовых явлений и личных чувств от политического элемента» (Пресняков 1993. С. 100), то есть применение терминов родства в непрямом значении имело в Древней Руси самый широкий спектр значений.

Соединение идей С.М. Соловьева и В.Т. Пашуто было осуществлено в работах А.В. Назаренко, который рассматривает родовую лексику как пережиток эпохи правления *corpus fratrum* при формировании новых отношений, основанных на принципе старшинства, сравнивая внутреннее взаимодействие Рюриковичей и представителей других средневековых династий, при этом исследователь отметил важность договорной природы отношений (Назаренко 2000; 2009).

Несмотря на существование нескольких гипотез, по-разному интерпретирующих родовую лексику княжеских диалогов, среди широкого круга историков утвердилась именно «иерархическая концепция» в ее наиболее жесткой форме (Франчук 1986. С. 140; Юрасовский 1983. С. 191).

Однако при детальном рассмотрении летописного материала находится немало прямо противоречащих ей наблюдений, причем на некоторые, как мы видели, обратил внимание еще В.Т. Пашуто, несмотря на бескомпромиссность официальных позиций исторической науки его времени. Мало согласуется с объяснением родовой лексики диалогов Рюриковичей русских летописей домонгольского периода как маркера княжеской иерархии то, что она широко употребляется по отношению к лицам, не принадлежавшим к роду Рюриковичей и не владевшим ни одной частью русских земель: к западным правителям (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 385, 408, 444, 446, 450 и далее) и к половецким князьям (Там же. Стб. 753); плохо сочетается с жесткой вассально-ленной (или любой другой иерархической структурой) широта и вариативность форм использования терминов родства: в определенных случаях слово «сын» заменяется на «брат» в процессе переговоров (Там же. Стб. 444, 451), в ответ на обращение «брат» адресат употребляет термин «отец» (Там же. Стб. 445–446), использование нескольких терминов подряд: двух и более (Там же. Стб. 323, 373, 619), именование князя «сыном» сразу двух правителей, не являющихся его родителями (Там же. Стб. 470) — все эти характеристики делают родовую лексику княжеских диалогов малопригодной для маркирования иерархического статуса. Кроме того, в самом летописном тексте демонстративно подчеркивается, что отношения между «братьями» тождественны отношениям между «отцом» и «сыном» (Там же. Стб. 420).

Невозможно не упомянуть и ряд следующих текстологических наблюдений: в подавляющем большинстве случаев термины родства в переносном значении в русских летописях домонгольского

периода используются в роли обращений (более 65%)³, в то время как на других позициях в предложении при описании тех же политических ситуаций используется иная лексика⁴: «зять», «тесть», «уй» (брат матери), «стрый» (брат отца) (Там же. Стб. 343, 377, 479, 661, 684–685, 873–874). Так как фигурирующие в летописи правители (Рюриковичи, западные правители, половецкие князья) выстраивали свое политическое взаимодействие в кругу собственной семьи, а заключение династического брака составляло важнейшую часть политической жизни, то использование обращений «отец» к тестю, «сын» к зятю (Там же. Стб. 684, 874), «брат» к мужу сестры (Там же. Стб. 408) трудно рассматривать вне рамок семейного этикета⁵.

Как неоднократно отмечалось, для указания на двоюродных и троюродных братьев во многих славянских культурах, в том числе в домонгольской Руси использовалось слово «брат» (Голяшкин 1989. С. 226; Пресняков 1993. С. 98; Трубачев 1959. С. 59, 62)⁶, а специальный термин для обозначения двоюродного и более дальнего по счету брата в древнерусских летописях просто отсутствует. Схожим образом слова «отец» и «сын» в них также имели более обширный спектр значений и выступали в роли этикетных обращений по отношению к дяде и племяннику, при этом могли не нести никаких дополнительных коннотаций, относящихся к политическому статусу. Это замечательно подтверждается тем, что при описании взаимодействия между дядями и племянниками в любой другой позиции, кроме обращения, используются слова «стрый», «уй» («дядя») или «сестричич», «сыновец» («племянник») (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 327, 392, 479).

---

³ Подсчет проводился по трем древнейшим русским летописям: Ипатьевской, Лаврентьевской и Новгородской Первой.

⁴ Например: «поча ся оу него просити река: “Отъче, поусти мя Черниговоу”»; «Святослав же не хотяше отступити от оуя своего, Изяслава, но неволею ѣха» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 343, 377).

⁵ Обращаясь здесь со всей осторожностью к поздним сравнительным материалам, важно отметить, что термины прямого кровного родства используются в роли обращений к дальним родственникам, свойственникам и в бытовой переписке допетровского времени, и во многих современных славянских традициях, например, у болгар. (Кречмер 2009. С. 40; Трефилова 2016. С. 132–134).

⁶ Согласно ряду исследований, именно социальное, а не биологическое значение терминов родства было первоначально (т.е. сперва термин «брат» обозначал равного по возрасту и статусу члена общины, группы, «фратрии» и лишь затем его значение сузилось до обозначения другого сына родителей. (Трубачев, 1959. С. 58–59; Jussen 2000. P. 17–19).

Обращаясь еще раз к «иерархической концепции», нужно отметить, что маловероятно, чтобы столь важный для политической жизни аспект, как фиксация статуса, проявлялся исключительно на позиции обращения, тем более что в качестве этого компонента речи в домонгольских текстах не используются никакие другие термины, кроме: «отец», «брат», «сын», «сват» и «господин» (последние два — чаще в паре с термином родства)⁷. Обращаясь ко всем древнейшим летописным текстам, мы видим первые обращения «стрый» и «сыновец» в тексте Галицко-Волынской летописи, описывающей события конца XIII в. (Там же. Стб. 911).

К другим формам использования метафоры родства в русских летописях относятся устойчивые формулировки языка княжеских договоров, например: «Как N мне отец / сын, так и ты»⁸, упоминание об искусственном родстве в диалоге, помещающее третье лицо в своеобразную родовую микрогруппу, например, «братъ ваю, а мои отьць» (Там же. Стб. 331), различные формы использования образа отца / сына для передачи чувств и эмоций, например, горечи утраты: «Приде же вѣсть Рюрикови о съмърти Романовѣ и печални бѣвше и плакашася по немь, аки по отьци, бѣ бо ихъ старѣи...» (Там же. Стб. 617–618, а также 323, 430; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 444), характеристики отношений с более дальним лицом: «а се ми есть яко отьць стрый» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 397, а также: 392, 477). Одна из самых распространенных конструкций «быть въ отьца мѣсто» могла обозначать и акт политического взаимодействия с просьбой о мире («вы намъ еста въ отьца мѣсто» (Там же. Стб. 387), и служить оформлению эмоционально окрашенного образа: «а нынѣ я вамъ во отьца мѣсто остался» (Там же. Стб. 618)⁹.

Самой яркой формой конструирования искусственного родства в домонгольский период, без сомнения, является описание обряда между Изяславом Мстиславичем и Вячеславом Владимировичем, в результате которого один из них становится «сыном», а второй «отцом» другому. Показательно, что после данного ритуала упо-

⁷ Исключения единичны, например, обращения по имени (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 618).

⁸ Например: «ако мнѣ Гюрги отьць, тако мнѣ и ты отьць» (Там же. Стб. 395), «ты еси Ростиславу сынъ любимъи, тако же и мнѣ» (Там же. Стб. 470, а также стб. 422, 465).

⁹ Такая формулировка характерна не только для древнерусских летописей, но и для исландских саг, например: *ek vera þér í sonar stað* («я буду тебе вместо сына» — Þorsteins saga stangarhöggs 1950. Bls. 75).

мянутые термины «отец» и «сын» используются летописцем при описании взаимодействия этих двух лиц не только в обращении или в составе устойчивой формулировки, содержащей метафору родства, но и в детализированном повествовании о происшедших событиях, например: «Изяславъ же с великою радостью и с великою чъстью поклонися отьцо своему» (Там же. Стб. 419)¹⁰, что отличает эти отношения от других примеров с использованием обращения «отец» к дяде. В самом обряде привлекает внимание упоминание о том, что родной отец Изяслава мертв, а Вячеслав не имеет детей: «а что ми Богъ отца моего Мистислава отяль, а ты ми еси отьць» (Изяслав Мстиславич), «аже дѣши: “ты мои еси отьць”, а ты мои и сынъ, оу тебе отца нѣту, а оу мене сына нѣтуть, а ты же мои сынъ, ты же мои брать» (Вячеслав Владимирович) (Там же. Стб. 417–418). Подобного рода обряды не характерны для европейского Средневековья, схожие примеры встречаются лишь среди скандинавских практик. Как можно видеть из контекста летописи, цель данного договора — официальное оформление совместного правления дяди и племянника в Киеве: оно было естественным для сына и отца, но не для более дальних родственников. Ни один из участников ритуала не становится выше другого, при этом укрепляется авторитет каждого из них, действие направлено для усиление горизонтальных, а не вертикальных связей.

В чем же заключается политический аспект применения рассмотренных терминов? Само по себе их использование (часто избыточное, педалирующее идею родства), маркировало дружбу, союз, доверительные отношения, совместное правление, военные действия, а случаи их отсутствия в посланиях служат показателем разрыва договоренностей, нахождения в состоянии готовности к боевым столкновениям. Кроме того, избыточность, замысловатость формул, или, наоборот, скупость в использовании словосочетаний, содержащих в себе родовую лексику, также свидетельствуют о взаимном доверии, или, наоборот, его отсутствии. Таким образом, указанные формы употребления терминов родства в переносном значении между Рюриковичами напрямую не связаны с функционированием в домонгольской Руси принципов старшинства и являются частью социального механизма укрепления гори-

---

¹⁰ Для сравнения приведу текст летописного эпизода, происшедшего до упомянутого обряда: «поиде Изяславъ к Чернигову скоупя силоу свою, и поя полкъ оу стрыя своего Вячеслава» (ПСРЛ Т. 2. Стб. 360–361).

зонтальных связей, направлены на создание коалиции, завершение конфликта между правителями, даже если последние используют слова «отец» и «сын».

Все вышесказанное не отрицает существования в древнерусском обществе вертикальных отношений, основанных на иерархических представлениях¹¹, где также может фигурировать родовая или близкая к ней лексика¹², однако особенности ее использования разительно отличаются от риторики внутрисемейных договоров Рюриковичей. Показательно, что уже на начальном этапе развития этого политического языка, зафиксированного в домонгольских летописях, его семантическую основу составляют не только и не столько термины родства, использованные в переносном значении, сколько определения «старший», «меньший». Например, признавая политическую силу Всеволода Ольговича, Вячеслав Владимирович «створися мнии» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 302). После смерти Всеволода он возвращает отнятые им города, «надѣся на старишьство (старѣишиньство. — *М.Л.*)» по отношению к Изяславу Мстиславичу (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 330).

Основная сложность для изучения развития семантики родовой лексики в составе древнейших летописей — составной характер содержащего их текста, раскрывающего самым детальным образом одни события и лишь кратко касающегося других, приводящего множество диалогов в рассказе об одном правителе и ни одного — в повествовании о другом (Гимон 2018. С. 67). Эта особенность является серьезным препятствием для всех попыток проследить появление и последующую эволюцию использования терминов родства и договорных формул, однако некоторые временные изменения все же можно отметить.

Например, в Киевской летописи характерные для периода правления Изяслава Мстиславича в середине XII в. словосочетания типа «брат ваю, а мой отць» в указании на третьего союзника пропадают в последующих текстах; парное обращение «брате и свате» посланий Рюрика Ростиславича и его союзников присут-

---

¹¹ Слабая выраженность вертикальных отношений в эпоху коллективного правления Рюриковичей прежде всего проявлялась в отсутствии радикальной разницы в титулатуре русских правителей домонгольской поры: любой *князь*, как правивший в Киеве, так и в любом другом городе назывался одинаково.

¹² Благодаря древности своего происхождения термины родства уже в эпоху развития Средневековья отличались полисемантической и могли восприниматься по-разному в зависимости от контекста: в рамках христианского или другого религиозного взаимодействия, для обозначения соседства и др.

ствует и в Киевской и в Лаврентьевской летописях в повествовании о событиях не ранее последней трети XII в. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 676; Т. 1. Стб. 413). К сожалению, существенные текстологические проблемы ранних летописных текстов при незначительном объеме содержащихся в них посланий не дают возможности отследить более фундаментальные изменения.

Если же обратиться к группе источников, значительно отстоящих от рассмотренного периода, а именно к сохранившимся на бумаге и пергамене духовным и договорным грамотам конца XIV — начала XV в., то можно отметить принципиально иной характер использования в них родовой лексики. Так как сохранились полные тексты соглашений, то, в отличие от пересказанных в летописи княжеских диалогов, чаще касающихся лишь той или иной части договора, в то время как сам он не представлен в летописи в полном объеме, в них мы можем видеть цельный набор как фактографического, так и этикетного материала, здесь значительно снижается количество обращений, увеличивается число перформативных высказываний.

Устойчивые формулировки, подтверждающие существующий статус отношений между князьями XIV–XV вв. на момент составления грамоты или утверждающие новый, как и летописные диалоги предшествующей эпохи, содержат значительный пласт родовой терминологии, но в этой группе источников она приобретает несколько иные формы: слово «брат» встречается столь же часто, но здесь оно практически всегда употребляется с эпитетом «старший» или «младший», причем данное правило распространяется на договоры как между родными и двоюродными братьями, так и между дядей и племянником, и более дальними родственниками. Особенно строго оно соблюдается в начальной части договорных грамот, где суть, ядро самого соглашения заключается в признании одного из участников «братом старшим», а другого — «братом младшим», эти формулировки без изменений дублируются во всех грамотах одного соглашения. Например, в докончании великого князя Василия Васильевича («брата старшего») и его дяди Юрия Дмитриевича («брата младшего») 1428 г.:

«...на семь, брате молодшии, князь Юрьи Дмитриевич, целуи ко мнѣ крестъ, къ своему брату старѣишому, к великому князю Василью Васильевичю, и къ своему брату молодшому, князю Ондрею Дмитриевичю, и к нашему брату молодшому, ко князю Костянтину Дмитриевичю...» (ДДГ. С. 63, 65).

Данные сочетания употребляются и в последующей части договора, раскрывающей его подробности, иногда в ней (вероятно, для краткости) используется просто слово «брат». Для сравнения отметим, что в древнейших русских летописях сочетание «брат старший» применяется в переносном значении всего несколько раз, например, оно содержится в одном из самых больших перечней терминов родства в одном высказывании: «Всеволода есмь имел въ правду брата старишаго (старѣишаго. — М.Л.), занеже ми братъ и зять, старѣй мене яко отьць» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 323, в словах Изяслава Мстиславича о Всеволоде Ольговиче, обращенных к дружине).

Наиболее распространенные в летописных диалогах князей слова «отец» и «сын» употребляются в переносном значении в договорных грамотах существенно реже и — что более важно — как дополнение к уже упомянутым сочетаниям «брат старший» и «брат младший». Например, в dokonчании великого князя Василия Васильевича II с князем серпуховско-боровским Василием Ярославичем 1433 г.: «А на сем на всем, господине, брат старишии и отче, князь велики Василеи Васильевич, с своим братом младшимъ, со князем Костянтином Дмитриевичемъ... целуите ко мнѣ крестъ...»¹³ (ДДГ. С. 71).

Рассмотренные трансформации в использовании родовой лексики обозначили те изменения, которые произошли в социуме (вернее, в его правящей части) — из инструмента, с помощью которого в момент примирения демонстрировалось единство различных линий Рюриковичей, их близость и принадлежность к единой семье (которая фактически распалась на отдельные ветви уже в начале XII в.), она превращается в часть оформления вертикальной линии власти от великого князя к другим правителям, признающим свою зависимость от него.

---

¹³ В одном из самых первых сохранившихся договоров между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем 1389 г. можно видеть оборот, характерный еще для летописного текста: «и имѣти ему мене о(т)ц(о)мъ, а с(ы)на моего, князя Василья, братомъ старѣишимъ, а князя Юрья братом, а дѣти мои меншиѣ братьею младшею», однако и до и после этого абзаца Дмитрий Иванович именуется «братом старшим», Владимир Андреевич — «братом младшим», термин «сын» используется лишь дополнительно: «се язъ, князь великий Дмитрии Иванович, приялъ есмь в любовь брата своего младшего и своего с(ы)на, князя Володимера Андрѣвича...» (ДДГ. С. 30–31). Вероятно, эта грамота отражает окончание процесса оформления княжеской договорной терминологии XIV–XV вв.

Если в сохранившихся в составе домонгольских летописей диалогах Рюриковичей XII в. любой из участников соглашения потенциально мог получить тот или иной город (или землю) и в этом смысле был равен другим, то в духовных и договорных грамотах XIV–XV вв. находит отражение сформированная система подчинения правителей русских земель великому князю, владыке Московского княжества. При таком положении дел термины «отец» и «сын» оказываются вытеснены более подходящими для обозначения иерархического статуса словами «брат старший», «брат младший», а ключевая фраза грамоты, определяющая позиции, содержит обязательные упоминания и о братьях и детях участников. Вертикальное членение возникает там, где его раньше не было, старые языковые формы продолжают применяться для маркирования отношений, но при этом неизбежно меняется характер их употребления. Заключение договора об искусственном родстве теперь несет функцию формирования четкой иерархической структуры, а не укрепления горизонтальных связей, как в подобном обряде XII в. Теперь в нем уже нет упоминаний о каких-либо дополнительных обстоятельствах, следствием которых стало его заключение, относящихся к личной сфере и объясняющих ситуацию наблюдателю (например, сообщение о смерти настоящего отца или отсутствии детей, как в летописном договоре Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича), порядок договорных фраз давно сформирован и отточен.

*Таблица 1.
Формы использования терминов родства
в междукняжеском взаимодействии*

	Киевская летопись	Договорные грамоты XIV–XV вв.
Обращения	«... <u>Брате</u> , Богъ ти помози, акоже и самъ молвишь, крьсть есмь цѣловали яко всимъ намъ быти за одинь» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 374).	«На семь на всемь, <u>брате молодшии</u> , князь Юрьи Дмитриевич, целуи ко мнѣ крьсть, к своему <u>брату старѣишому</u> ...» (ДДГ. С. 65).
«Быть в отца место»	«...Вы намъ <u>еста въ отца мѣсто</u> , а се нынѣ заратилася еста съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 387).	«Имети ми <u>брата своего старѣишого</u> , князя великого Дмитрия, <u>въ отца место</u> » (ДДГ. С. 19).
Договор об искусственном родстве	«...А что ми Богъ отца моего Мистислава отялъ, а ты ми еси отьць»; «...аже дѣеши: “ты мой еси отьць”, а ты мой и сынъ, оу тебе отьца нѣту, а оу мене сына нѣтуть, а ты же мой сынъ, ты же мой братъ» (ПСРЛ. Т.2. Стб. 417 — 418).	«Имѣти ти мене, князя великого, братомъ старѣишимъ, а брата моего, князя Юрья — братомъ, а братью мою молодшую — братьею молодшею» (ДДГ. С. 37).

Трансформация совершенно другого характера происходит с еще одним постоянным, но значительно более разнообразным элементом социально-политической жизни Рюриковичей — устойчивыми формулами посланий и диалогов. Впервые они также появляются в уже рассмотренных летописных диалогах князей. Эти устойчивые сочетания характеризуются как лаконичные, образные, часто принимающие форму двухчастной структуры, упоминающей обе стороны, участвовавшие в соглашении: «оже, брате, твоя обида, то не твоя, но моя обида, пакы ли моя обида — то твоя» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 408), «нынѣ же, брате, се моужь мои, а ты пристави свои моужь» (Там же. Стб. 374).

Договорные формулы — одна из наиболее широко распространенных в средневековой культуре мнемонических техник, облегчавшая устную передачу текста. Присутствие формул в княжеских посланиях свидетельствует об их существовании в устной форме перед попаданием в летопись: известные фразы делали послание понятным для получателя и других свидетелей прочтения, а их торжественное произнесение было важной частью ритуала отправления или принятия посла. Очевидно, устной формой обусловлена и чрезвычайная краткость упомянутых устойчивых сочетаний, которые подчас выглядят урезанными в диалогах. Глубокий символизм рассматриваемых устойчивых сочетаний делает их привлекательными с филологической точки зрения, но малозначимыми для историков, однако именно их присутствие в разных по характеру и типу источниках позволяет получить дополнительные сведения сопоставительного характера.

Данные формулы представляют собой простейшие фразы, призванные выразить единство и общность интересов тех, кто их произносит: *быть за один* (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 374), *быть за один брат* (Там же. Стб. 366), *быть за один муж* (Там же. Стб. 465), *подле тебя ездить* (Там же. Стб. 367), *с тобой быть, быть за обиду* (Там же. Стб. 420, 367), *не отлучаться ни в добре ни в зле* (Там же. Стб. 418, 452), *сложить голову, откупить головою* (Там же. Стб. 420–421, 437), *послужить копьем* (Там же. Стб. 450), и др. Наибольшее количество и разнообразие упомянутых формул мы можем видеть в самых значительных по объему статьях 6654 (1146)–6660 (1152) гг. Киевской летописи.

Как можно заметить, формулы, призванные продемонстрировать единство, используют среди прочего и метафору родства,

таким образом, оба исследуемых нами элемента тесно взаимосвязаны: «отцом», «сыном» или «братом» может быть назван тот, кто «стоит за обиду» и готов «сложить голову». Наиболее ярко это проявляется в упомянутых выше диалогах Киевской летописи, например, в послании к Гезе II Изяслав Мстиславич и Вячеслав Владимирович говорят: «ты нама еси тако оучинилъ, яко же можетъ такъ брать роженьи брату своему, или сынъ отьцю, ако же ты нама помогль» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 420), схожее значение имеет формула *быть за один брат* (Там же. Стб. 366).

Небольшие изменения в использовании риторических договорных формул можно видеть уже в самой Киевской летописи, что говорит о поступательном характере составления ее киевского протографа, содержавшего наибольшее число диалогов, и его хронологической близости тому периоду, о котором он повествует. Так, например, первые краткие формулы появляются в диалогах Изяслава Мстиславича с Изяславом и Владимиром Давыдовичами и Святославом Ольговичем, наибольшее их число приходится на взаимодействие этого князя с Вячеславом Владимировичем, Гезой II и другими, более дальними правителями, когда политическая ситуация была наиболее трудной. Затем количество и разнообразие устойчивых сочетаний резко уменьшаются после распада коалиции Изяслава Мстиславича, и в текстах, описывающих события третьей четверти XII в., их появление носит эпизодический характер. В данных летописных статьях рассмотренные нами договорные формулы сменяются указанием на конкретные условия соглашения, срок его действия, перечни городов, переходящих от одного князя другому, обстоятельства военной поддержки, например: «а целоуи с нами крьсть, како ти ся с нами не воевати, доколѣ со Всеволодомъ и с Давыдомъ любо ся оуладимъ любо ся не оуладимъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 689).

Такие указания встречались ранее лишь эпизодически. Однако в этот период появляется и новая двусоставная формула *кто мне враг, тот и тебе враг* (Там же. Стб. 701), которая, по-видимому, является новым этапом развития формулы *как N тебе зол, так и нам* (Там же. Стб. 329)¹⁴. Претерпевает изменения и еще одна устойчивая фраза, активно применяемая в речах Изяслава Мстиславича и Гезы II — *сесть на коня* (Там же. Стб. 405, 407, 446),

---

¹⁴ На распространенность языковых конструкций данного типа указывают и другие формулировки княжеских переговоров середины XII в., например: «ако мнѣ Гюрги отьць, тако мнѣ и ты отьць» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 395, а также стб. 422, 470).

демонстрировавшая готовность к боевым действиям. В тексте, повествующем о событиях конца XII в. можно видеть примеры, где, помимо упомянутого указания на подготовленность к битве, у данной формулы появляется новое значение — единение двух союзников: *сестъ на коня за кого-то* (Там же. Стб. 701)¹⁵, что также отражает произошедшие к третьей четверти XII в. изменения в формульном арсенале княжеских договоров.

Как было сказано, уже к концу Киевской летописи количество и разнообразие договорных формул сокращается, единичные случаи их использования можно видеть в договорных грамотах Великого Новгорода и Пскова¹⁶, однако значительно позже, во второй из рассматриваемых нами групп источников, их количество вновь возрастает.

Договорные и духовные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. воспроизводят лишь некоторые из тех устойчивых словосочетаний, которые можно встретить в тексте Киевской летописи, однако эти конструкции становятся значительно более пространными, а двусоставная структура многократно дублируется, при этом многие словосочетания оказываются в забвении в этот период. Если ранее один князь говорил другому: «как N нам зол, так и тебе» или «кто мне враг, тот и тебе враг», то в договорных грамотах московского периода эти фразы трансформируются в формулировку, без которой не обходится почти ни один договор: «а кто будеть мнѣ, брату моему старѣишему, другъ, то и тобѣ другъ. А кто будеть мнѣ недругъ, то и тобѣ недругъ» (ДДГ. С.20).

Любопытно, что устойчивое сочетание *не отлучаться ни в добре ни в зле*, продолжившее свое существование в договорах XIV–XV вв. (например: ДДГ. С. 65), в Киевской летописи было использовано Изяславом Мстиславичем равно и по отношению к давнему союзнику, «отцу» (Вячеславу Владимировичу), и к недавно побежденному противнику, «брату» (Владимиру Володаревичу Галицкому) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 418, 452), то есть еще в тек-

---

¹⁵ Ее также можно видеть в хронологически близком повествовательном тексте Лаврентьевской летописи: «на лѣто всѣде на конь про свата своего» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 413).

¹⁶ Например, в договорной грамоте Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем о взаимной помощи 1296–1301 гг.: «съ братомъ своимъ съ старѣишимъ съ Даниломъ одинъ есмь и съ Иваномъ», «а не отступити вы ся мене ни въ которе же веремя» (грамота тверская); «Кдѣ будеть обида Новугороду, тобѣ потянути за Новьгородъ съ братомъ своимъ съ Даниломъ съ мужи съ новьгородьци» (грамота новгородская). (ГВНП С.14).

сте, описывающем события XII в., оно показывает очень высокий уровень универсальности. Очевидно, что именно это качество и предопределило его долгую жизнь в последующие эпохи¹⁷. Любопытно, что завершающая часть содержащего его крестоцелования «быть вместе», «не отлучаться» в договорах XIV в. исчезает, но появляется новое начало, по сути повторяющее его смысл: «вездѣ, во всем, гдѣ бы ни было», а общее значение меняется с призыва совместно выдерживать различные по характеру ситуации на современное оповещение о их потенциальной возможности.

При рассмотрении наиболее значимых изменений в составе и структуре договорных формул, произошедших с ними в XIV в., прежде всего бросается в глаза существенно возросший объем. Наиболее вероятным объяснением этой трансформации является смена формы передачи самого послания — ранее хранить в памяти

---

¹⁷ Тексты обоих крестоцелований (между Изяславом Мстиславичем и Вячеславом Владимировичем и между Изяславом Мстиславичем и Владимиром Галицким) приведены в Киевской летописи дважды (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 399, 417–418 и 451–452, 453–454 соответственно). В первом случае можно предположить, что причиной удвоения стало соединение близких по содержанию текстов киевского и переяславского источников (однако нельзя полностью исключить и того, что князья заключали договор два раза, так как детали отличаются). Во втором случае очевидно, что в летописи приводится текст одного крестного целования, сначала во время предварительного, а затем — окончательного соглашения.

Использование формулы *не отлучаться ни в добре ни в зле*, вероятно отражает личные предпочтения Изяслава Мстиславича, так как именно он являлся действующим лицом крестоцелования в обоих случаях. Продолжение интересующей нас фразы в первом тексте договора с Владимиром Галицким: «и съ Изяславоѣмъ быти, и его ся не отлучити ни в добрѣ ни въ лисѣ, но всегда с нимъ быти» (Там же. Стб. 452) практически повторено и расширено во втором, однако уже без упоминания о добре и зле: «Изяслава ти ся не отлучати до живота своего, доколѣ же еси живь, но с нимъ быти на всихъ мѣстѣхъ» (Там же. Стб. 453–454).

При описании договора Изяслава Мстиславича с Вячеславом Владимировичем в кратком и лишенном многих деталей варианте (Там же. Стб. 399) подобного рода риторические формулы не приводятся. Во втором мы видим продолжение, близкое обеим версиям крестоцелования с Владимиром Галицким: «яко не разлучитись има ни въ добрѣ ни въ злѣ, но по одному мѣсту быти» (Там же. Стб. 418).

Как видно, формулы договоров одного князя с различными союзниками оказываются чрезвычайно близки. Отличающиеся от основных версий дубли подтверждают, что информация могла быть передана не точно, но близко по смыслу, с заменой изначальной устойчивой формулы на один из ее вариантов или без нее. Данные риторические словосочетания не могли быть привнесены составителем позже, так как уже к третьей четверти XII в. подобные фразы не приводятся в составе княжеских договоров, а на новом пике использования в XIV в. их форма заметно отличается.

сложные по структуре и витиеватые формулы было неудобно, и полсы ограничивались запоминанием легко воспроизводимых и конструируемых в уме кратких элементов. Например, определенную игру риторических формул *быть за один брат* (Там же. Стб. 366), *быть за один муж* (Там же. Стб. 465) и обращений можно видеть в послании Изяслава Мстиславича Владимиру Давыдовичу: «брате, Богъ ти помози, акоже и самъ молвишь “кръсть есмы цѣловали яко всимъ намъ быти за одинь”, ныне же, брате,: се моужь мои, а ты пристави свои моужь» (Там же. Стб. 374). Краткие устные формулировки, служившие символами мирного намерения и единения, на широком листе бумаги или пергамена трансформировались в изощренные пассажи, а изобретательность внутрикняжеского этикета перешла на новый уровень.

Таблица 2.
*Устойчивые формулы домонгольских летописей
и договорных грамот XIV–XV вв.*

Ипатьевская (Киевская летопись), Лаврентьевская летопись	Договорные грамоты XIV–XV вв.
<p>«На томъ кръсть чьстныни целоваста, яко не разлучитися има ни <u>въ добръ ни въ злѣ</u>, но по одному мѣсту быти» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 418);</p> <p>«На томъ ти цѣловати кръсть... съ Изяславомъ быти и его ся не отлучити ни въ <u>добръ ни въ лисѣ</u>, но всегда с нимъ быти» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 452).</p>	<p>«А добра ти намъ хотѣти вездѣ, во всем, гдѣ бы ни было. А что ты слышовъ о нашемъ <u>добръ или о лисѣ</u> от кого бы ни было, то ти намъ повѣдати въ правду, безъ примышленія.</p> <p>А намъ тако же тобѣ <u>добра хотѣти вездѣ</u>, во всем, гдѣ бы ни было. А что ны слышевъ о твоёмъ <u>добръ или о лисѣ</u> отъ кого бы ни было, и намъ тобѣ то повѣдати въ правду безъ примышленія» (ДДГ. С. 63–64).</p>
<p>«Кръсть цѣловали до живота своего» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 346)</p> <p>«Кръсть есмы цѣловали яко всимъ намъ <u>быти за одинь</u>» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 374);</p> <p>«Тако на томъ цѣловаша кръсть оу святомъ Съпасѣ... быти <u>всимъ за одинь братъ</u>» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 366);</p> <p>«Оутвердися, якоже <u>за одинь мужь быти</u>» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 465).</p>	<p>«А <u>быти</u> ми, господине, и моимъ дѣтемъ с тобою и с твоими дѣтми вездѣ <u>заодинь</u>» (ДДГ. С. 44);</p> <p>«<u>Быти</u> намъ <u>заодинь до своего(о) живот(а)</u>» (ДДГ. С. 40);</p> <p>«А тобѣ, брат(е), тако жъ явити Витовту, что есте с нами <u>одинь ч(е)л(о)в(ѣ)къ</u>» (ДДГ. С. 41);</p> <p>«<u>Быти</u> вы со мною <u>вездѣ заодинь, и до своего живота</u>. А мнѣ такъ же быти с вами <u>вездѣ заодинь, и до своего живота</u>» (ДДГ. С. 65).</p>
<p>«На лѣто <u>всѣде на конь</u> про свата своего» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 413);</p> <p>«И посла къ Изяславу и рече ему: «яз ти на <u>конѣ оуже всѣдаю же</u> и сына Мстислава съ собою поимаю, а ты <u>полѣзи оуже на конѣ</u>» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 446).</p>	<p>«А коли, г(о)с(поди)не, будетъ с(ы)нъ твой въ твоё мѣсто, и <u>всядет с(ы)нъ твой на конь</u>, ино и мнѣ с нимъ <u>всѣсти на конь</u>. А коли, г(о)с(поди)не, с(ы)нъ твой <u>не всядет на конь</u>, ино и мнѣ <u>не всѣсти на конь</u>.</p> <p>А куды, г(о)с(поди)не, с(ы)нъ твой пошлетъ моихъ детей, и имъ <u>всѣсти на конь безъ послушанья</u>». (ДДГ. С. 44);</p> <p>«А коли ми будетъ <u>всѣсти на конь</u> на своего недруга, и тобѣ послати со мною свои дѣти съ своими бояры и съ слугами» (ДДГ. С. 64).</p>

«Игорь како тобѣ золь быль, тако и нама» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 329); «Кръсть еси ко мнѣ целоваль на томь, кто мнѣ ворогь, то и тобѣ ворогь» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 701).

«Хто будет друг тобѣ, кн(я)зю великому, то, г(о)с(поди)не, и нам друг. А хто будет, г(о)с(поди)не, тобѣ недруг, то и нам недруг». (ДДГ. С. 51).

К началу XV в., после двухсот лет своего развития, договорные практики русских правителей прошли через несколько этапов формирования: разнообразие этикетных формул в середине XII в. (в период интенсивного взаимодействия с западными правителями и наиболее значительного и затяжного конфликта Рюриковичей) сменилось устойчивым использованием всего нескольких из них во второй трети XII в. Уже в это время данные формулы претерпевают незначительные изменения, что свидетельствует о поступательном характере составления самого текста киевского источника Киевской летописи, зафиксировавшего их; важно отметить и их комплиментарность Лаврентьевской летописи в статьях этого периода. К концу XII в. упомянутые устойчивые сочетания в летописном тексте уступают место указаниям на конкретные территориальные и временные условия. Изредка в крайне урезанном виде они присутствуют в договорных грамотах Великого Новгорода и Пскова, где формируется несколько отличный этикет взаимодействия правителя и города как политической единицы.

В период становления Великого княжества Московского меняется и восприятие его правителей: если ранее киевский князь отличался от других представителей рода лишь более весомым политическим авторитетом, в то время как власть принадлежала всей семье в целом, то теперь формируется значительно более жесткая иерархическая структура, нуждающаяся в иных практиках договорного этикета. В этот период возрождаются к жизни те из риторических формул домонгольской Руси, которые в прошлом характеризовались наибольшей универсальностью, а объем каждой из них в тексте договора стремительно увеличивается благодаря новой форме передачи информации — бумаге или пергамену, вмещавшим как конкретные фактографические перечни, так и рассматриваемые в данной статье многоступенчатые двусоставные конструкции.

Усиление вертикальных связей, появление более строгого иерархического порядка в княжеских отношениях находит отражение в смене характера используемой родовой лексики: слова «отец», «брат», «сын» становятся лишь редким дополнением к терминам «брат старший» и «брат младший» в соглашениях как

представителей одной семьи, так и одного рода; последние два в обязательном порядке присутствуют в подавляющем большинстве договоров XIV–XV вв.

Между двумя рассмотренными группами источников проходит временной рубеж, разделяющий формы и смыслы использования родовой лексики в политическом взаимодействии между членами княжеской семьи (а также их ближайшими союзниками), при этом показательно, что круг значений каждого из упомянутых терминов меняется менее стремительно, нежели формы и характер их использования. Например, слово «брат», обозначавшее в тексте Киевской летописи родного, двоюродного брата, равного по возрасту дядю, племянника, брата жены или супруга сестры и употреблявшееся в послании, предлагавшем или продолжавшем мир, совместные действия (а в противном случае просто опускавшееся), в договорных документах сыновей и внуков Дмитрия Ивановича Донского применяется во внутривполитическом смысле с обязательным эпитетом «старший» или «младший» и маркирует иерархическое положение князя по отношению к московскому правителю, а в посланиях Ивана Грозного к иностранным правителям становится проявлением болезненного внимания царя к исторической древности родословной и связываемой с ней большей весомостью прав на титул и власть.

Наблюдения над эволюцией риторических формул княжеских договоров в XII–XV вв. показывают изменения другого характера: первоначально они выполняли прикладную функцию, обусловленную своей краткой двусоставной и легко комбинируемой формой, помогали запоминать и воспроизводить устойчивые формулировки устных договоров, делая их легкоузнаваемыми и понятными (в первую очередь благодаря внутреннему символизму) самому широкому кругу слушателей: послам других князей, горожанам, младшим родственникам и дружине правителя. Несмотря на отсутствие единой научной позиции касательно того, были ли эти послания, «речи» князей письменными или устными, как это показано в летописи, важен сам факт их произнесения перед адресатом в присутствии указанных лиц — свидетелей политического действия, которые могли оценить виртуозность и красоту их использования.

В эпоху, когда письменная культура составления договоров уже полностью вступила в свои права, рассматриваемые формулы трансформировались в риторический декор документа, многократно увеличились в размерах, но полностью сохранили при этом и

внутренний символизм и двусоставную структуру, что, очевидно, по-прежнему представлялось существенным, так как затрагивало всех участников соглашения. Вероятно также, что и некоторые из известных нам по Киевской и другим древнейшим летописям договоры XII в. содержали несколько более широкие формы данных словосочетаний, так как в подавляющем большинстве случаев судить о них мы можем лишь по упоминаниям и отсылкам в посланиях князей, включенных в летописный текст, что предполагает их возможное сокращение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Вілкул Т.Л.* Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. Київ, 2015.
- Гимон Т.В.* К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.) // ВЕДС-XXX: Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2018. С. 64–71.
- Голяшкин Я.А.* Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. (в связи с воззрениями родовой теории) // Рефераты, читанные в 1896 и 1897 годах. Издания исторического общества при Императорском московском университете. М., 1898. Т. 2. С. 211–285.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. Л. 1949.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
- Козеллек Р.* Введение // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. / Пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. М., 2014. Т. 1. С. 23–44.
- Кречмер А.Г.* Человек и социум на Руси XVII–XVIII вв. (по материалам частной переписки) // Категория родства в языке и культуре. М., 2009. С. 36–56.
- Назаренко А.В.* Династический строй Рюриковичей X–XII веков в сравнительно-историческом освещении // ДГ, 2007 год: Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 47–86.
- Назаренко А.В.* Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения). // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1: Древняя Русь. Статьи по истории и типологии русской культуры. С. 500–519.
- Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.

- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Паушто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 11–76.
- ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.
- Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
- Соловьев. С. М.* История отношений между русскими князьями Рюрика дома. М., 2003.
- Трефилова О. В.* Терминология родства у болгар Румынии // Исследования по славянской диалектологии. Актуальные проблемы изучения лексики славянских диалектов. М., 2016. С. 120–159.
- Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
- Франчук. В. Ю.* Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.
- Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется...» М., 1988.
- Юрасовский А. В.* К вопросу о степени аутентичности венгерских грамот XII в. Ипатьевской летописи // ДГ, 1981 год: материалы и исследования М., 1983. С. 189–194.
- Althoff G.* Family, Friends and Followers: Political and Social Bonds in Medieval Europe / Transl. by Christopher Carroll. Cambridge, 2004.
- Althoff G.* The Variability of Rituals in the Middle Ages // Medieval Concepts of the Past: Ritual, Memory, Historiography / Ed. by G. Althoff and others. Cambridge, 2002. P. 71–85.
- Hermanson L.* Friendship, Love, and Brotherhood in Medieval Northern Europe, c. 1000–1200. Leiden; Boston, 2019.
- Hermanson L.* Introduction // Rituals, Performatives, and Political Order in Northern Europe c. 650–1350 / Ed. by W. Jezierski, L. Hermanson, H. J. Orning, T. Småberg. Brepols, 2015. P. 1–40.
- Jussen B.* Spiritual Kinship as Social Practice. Godparenthood and Adoption in the Early Middle Ages / Transl. by Pamela Selwyn. London, 2000.
- Forsteins saga stangarhöggs / Ed. by Jón Jóhannesson. Reykjavík, 1950.

KINSHIP TERMINOLOGY AND DIPLOMATIC FORMULAS
IN THE RURIKIDS' POLITICS, C. 1140–1450

The article provides a comparative analysis of the two ritual language components in ruler's agreements of the pre-Mongol and Muscovite Rus', namely the various forms of the kinship terms and the idiom phrases that emphasized the unity of allies. Russian princes' dialogues and messages preserved in the 12th century narratives in *Hypatian* and *Laurentian Chronicles* and the treaty documents of the great and depended princes of the 14th and 15th centuries were chosen as two comparative groups of sources. As a result, we can trace consistent changes in the ritual language, reflecting transformations in the political practices as well as development of the agreement forms from oral to written. Short, diverse, inventive idiomatic phrases of the 12th century political messages transformed into the extensive, standardized, bulky, multi-stage formulations of the paper and parchment charters, spread in the 14th and 15th centuries, but the core of messages remained the same.

For example, the chronicle princes' dialogue expression «who is an enemy for you, is an enemy for me as well» (*Kievan Chronicle*) transformed into a standard agreement phrase «who will be a friend of you, Grand Prince, will be a friend of us. And who will be your enemy will become our enemy as well» (the treaty of Vasily I of Moscow with Mozhaysk princes, 1401–1402). Often the phrase continues promising the same to all participants of the treaty and their children. From easy-to-remember oral expressions these idioms became the standard official decor of the prince's agreement.

Kinship terms «father», «brother», «son» artificially used in the 12th century narratives as a social tool in creating a horizontal political relationships and often applied in pair («brother and son») or asymmetrically («father» in answer to «brother»), in the 14th century gave way to the hierarchically meaningful combinations «elder brother» and «younger brother». In this period the words «father» or «son» are normally used only as the additions to them.

Though the political situation changed and Rurik dynasty transformed from a family fraternity of the 12th century, where every member could obtain the Kievan throne, into a vertical political structure with the Moscow Grand Prince on the top of it in the 14th and 15th centuries, the kinship terms and agreement phrases remained the main part of the political ritual language, but the character of their usage became completely different.

Keywords: ritual studies, social practices, political practices, comparative methods, kinship terms, artificial kinship, medieval agreements, Old Russian society, Kievan Codex, Hypatian Codex.